

8. РГИА. Ф. 1291. 1912 г. Оп. 54. Д. 125. Ч. 1. О хулиганстве.
 9. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. 1912 г. Д. 1752.
 10. Зверев В. А. Признаки дезорганизации общины и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX — начала XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII - начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 62-79.
 11. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900.
 12. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2657, 2660, 2589; Ф. 156. Оп. 20. Д. 325, 333, 334, 355; Ф. 154. Оп. 12. Д. 462. Л. 309 - 313; ТарФ ГАОО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
 13. Свищев П. А. Брачность крестьян Южного Зауралья в конце XIX — начале XX вв. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1994. Вып. 7. С. 117-123.
 14. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 20. Д. 355, 356.
 15. Миронов Б. Н. [Рец. на кн.: А. Джоунс. Россия в период поздней империи. Интерпретация: три взгляда, две культуры, одно крестьянство] // Отечественная история. 2000. № 5. С. 203.
 16. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.

*Ксения Владимировна ЛОБАНОВА —
 студентка IV курса кафедры
 отечественной истории Института истории
 и политических наук ТюмГУ*

УДК 94 (571. 12)

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено изучению крестьянской семьи XIX — начала XX вв. Включены различные материалы, раскрывающие основные черты внутрисемейных отношений, тенденции их изменений.

Having attracted archive documents the author studies the peculiarities of a peasant family at the turn of the 19th century.

Известно, что сейчас одним из развивающихся гуманитарных исследовательских направлений является фамилистика — наука о современной семье. Успешное развитие исследований о современной семье предполагает основательное знакомство с ее историей.

Западносибирский регион (в контексте данной работы — это Тобольская губерния) имел прочные внутренние экономические связи и определенную специфику во всех областях жизни, которая существенно отличалась от других территорий страны [1]. Такая специфика характерна и для внутрисемейных отношений.

Цель данной работы — выявить основные черты внутрисемейных отношений крестьян в Тобольской губернии, проследить динамику и изменения, происходящие с течением определенного времени.

Для изучения данной темы были привлечены материалы различного содержания. Среди них можно выделить: 1) литературу по данной проблеме; 2) опубликованные источники (периодическая печать — Тобольские епархиальные ведомости; Сибирская торговая газета; Сибирский листок); 3) неопубликованные источники (материалы суда и следствия; метрические книги церквей — сведения о рожденных, бракосочетавшихся, умерших; ревизские сказки; рекрутские списки; законодательные акты; а также жалобы самих крестьян).

Данная тема содержит два аспекта: 1) взаимоотношения супругов между собой; 2) родители и дети.

Взаимоотношения супругов между собой. Жена ставилась государством в зависимость от мужа. За мужем признавалось главенство в семье.

Муж говорил своей жене «ты», а она ему «вы». Он называл ее «баба», а она его по имени и отчеству. Когда муж с женой заговаривал, она отвечала, когда он молчал, она не смела спрашивать [2].

Жена, по мнению крестьян, должна была быть послушной, в противном случае супруг имел право наказать ее. Наказывали единственным способом — избиением. Так, городовому крестьянской волости, деревни Букиной, крестьянка Матрена Иванова в 1830 г. подала прошение о жестоком обращении с нею мужа: «...о чинимых мне моим мужем крестьянином Степаном Войновым, частотворенных и бесчеловечных истязаний, выкраденных собственных моих денег. Увечья наносил со злобным мщением» [3]. В этом же году написано еще одно прошение, из него мы узнаем, что крестьянин Климов Василий избил свою жену Марию «...учинил побои» [4]. Заступничество в таких случаях женщины искали у властей, иногда они бросали ненавистных супругов, бежали в чужую деревню, вступали там в новый брак [5]. Так, в следственном деле о жестоком обращении с женой крестьянина Ивана Мельшина (1834 г.) жена Мельшина, Анна Мельшина, свидетельствовала «...после учиненных побоев сбежала в деревню» [6].

Такое явление, как избиение жен, было характерно и в конце XIX — начале XX в. Так, в Тобольских епархиальных ведомостях за № 2, от 16 января 1891 г. псаломщик Д. Григорьев в своей заметке упоминает, что «...мужики (речь именно идет о крестьянах — *Прим. автора*) бьют, увичать баб» [7]. В Настольном реестре судебных дел Ялуторовского уезда (съезд крестьянских начальников) за 1902 г. упоминается много случаев относительно избиения жен. Жены подавали жалобы на своих мужей в волостной суд. Что касается разбирательств между мужем и женой, суд «вставал» на сторону мужа. Так, крестьянка Лыбаевской волости, Гурьяна Бахарева подала жалобу на своего мужа Ивана Бахарева и обвинила его в «...неоднократном нападении, угрозах лишить жизни». Суд признал Ивана Бахарева невиновным [8].

В начале XX в. в крестьянской среде распространяется такое явление, как избиение мужей женами. В Омутинской волости Василий Микушин подал жалобу на решение Омутинского Волостного суда «...от 8 апреля 1902 года, о нанесении им побоев женой своей Ефримией Микушиной»; Беликовская волость, Степан Бадичев подал жалобу на решение Волостного Суда от 12 июня 1902 г. «...нанесение им угроз женой своей Зиновьей Бадичевой» [9]. Причем жена не просто «била» мужа, но и в некоторых случаях отбирала у него имущество. Так, крестьянин Саламатовской волости Степан Сизиков жаловался на то, что «...жена, Наталья Сизикова, избивала его и отобрала у него имущество». В Емуртлинской волости Матвей Мальцев также жаловался на то, что «...жена его, Татьяна, отобрала у него вещи». При этом надо отметить, что суд в таких случаях вставал на сторону женщин. Избиение мужей женами было «феноменом», который не получил широкого распространения.

Взаимной обязанностью мужа и жены в изучаемый период было соблюдение супружеской верности.

Если законодательством до 1850 г. признавалось четыре повода к разводу: 1) прелюбодеяние (случайное, систематическое) одного из супругов; 2) неспособность его к «брачному сожитию»; 3) присуждение к наказанию, сопряженному с утратой всех прав и состояния; 4) «безвестное» пятилетнее отсутствие одного из супругов или более; то в 1903 г. в «новом» Гражданском Уложении добавлен пятый пункт: «посягательства одного супруга на жизнь другого, или жестокое, опасное для жизни и здоровья обращение одного супруга с другим, если виновность супруга признана в силу приговором Уголовного суда» [10].

Из этого можно сделать несколько выводов: 1) «произвол» одного из супругов стал регулироваться Уголовным судом; 2) дела о разводе передаются светскому суду; 3) увеличиваются поводы к разводу.

Если в 50-е гг. XIX в. разведенных в Тобольской губернии было мало, то уже к началу XX в. ситуация меняется. Так, был найден указ Тобольской духовной консистории о предотвращении случаев развода среди прихожан от 1 июня 1915 г. В нем говорилось о «...предупреждении умножившихся в последнее время бракоразводных процессов», а также о том, что «...иногда даже наблюдалось, хотя и не часто, что участники при совершении браков являлись в храм в нетрезвом виде и таковым своим поведением развращали присутствующих» [11].

Государство разрешало второй и третий брак.

Родители и дети. Все обязанности равномерно возлагались и на отца и на мать. Даже находясь в «совершенном» возрасте, дети имели право на материальную поддержку со стороны родителей. Нельзя было без основательной причины выгнать взрослого сына или дочь из дома, не позаботившись об их устройстве на новом месте. Воспитательные функции семьи: 1) привитие детям навыков к домоводству и хлебопашеству, а также к другой сельской работе; 2) воспитание в ребенке определенных нравственных качеств — силой собственного примера; 3) формирование у детей почтительного отношения к родителям, другим членам семьи, соседям, властям [12].

Пик рождаемости детей приходится на сентябрь — октябрь; февраль. Это было связано с календарным распределением браков среди крестьян Тобольской губернии XIX — начале XX в. (большинство браков приходилось на зиму).

Соответствующая литература и источники позволяют выделить этапы воспитания детей в крестьянской семье Западной Сибири. 1. Самый ранний этап воспитания детей (до 2-3 лет) крестьяне обозначали терминами «пестования» и «водня». Осуществлялся небогатый набор необходимых операций: кормление, пеленание, лечение и т. д. Большая занятость матери в летне-осенний сезон позволяла ей заниматься воспитанием малолетних детей урывками. Это было не только важнейшей причиной высокой детской смертности, но и наносило ущерб делу воспитания. 2. (3-7 лет) — детские игры. В качестве игрушек часто использовались разнообразные предметы, подобранные в лесу, на поле, во дворе, в доме: палочки, камышовые шишки, сушеная трава. Делая игрушки («чечи»), дети познавали и учились использовать свойства природных материалов, выделять существенные атрибуты окружающей среды. Почти все игры были связаны с теми или другими выборами. Дети «примеривали» на себя, «разыгрывали» свои будущие семейные роли, совершенствовались в этикете. Также дети приобретали навыки общения, вникали в особенности деревенских обрядов. Важнейшую роль играло совместное со старшими проведение досуга. 3. (7-8 лет). Участие в хозяйственной жизни семьи становилось делом обязательным и повседневным. Причем со временем это участие последовательно усиливалось. Игры продолжали оставаться средством воспитания и в старшем детском возрасте. 4. Время созревания и тренировки. Уже на подростковом этапе начиналась подготовка к будущей свадьбе и супружеской жизни молодых. Сами подростки часто посещали посиделки и вечерки молодежи (часто на этих посиделках они и выбирали себе понравившегося жениха или невесту), были непременными зрителями на всех свадьбах [13].

К моменту вступления в подростковый возраст дети обычно уже владели основами большинства знаний и умений, необходимых для того, чтобы быть хлебопашцами, вести дом и т. д.

Со своей стороны дети обязывались «оказывать родителям чистосердечное почтение, покорность, любовь». Если сын или дочь избили своих родителей, то

дело рассматривалось в крестьянском суде. Так, нами была найдена жалоба тюменской крестьянской вдовы Екатерины Котовшиковой на сына «в брани ей и в немалых обидах» [14]. Дети являлись кормильцами своих состарившихся родителей.

В начале XX в. зафиксировано в источниках большое количество случаев оскорбления детьми родителей. В настольном реестре за 1902 г. (Ялуторовский уезд) нами было найдено большое количество жалоб родителей на своих детей. Так, жалоба крестьянки Бобылевской волости, Феотисты Корабейниковой об оскорблении дочерью — Софии Корабейниковой; жалоба крестьянина С-Беликовской волости Кирсана Кунгурова об оскорблении его сыном Николаем Кунгуровым; жалоба крестьянина Кизакской волости Игнатия Финаева о взыскании с него на пропитание матери Анны Финаевой 20 рублей [15].

Теперь, что касается усыновления детей. В случае, когда родным отцу и матери обстоятельства не позволяли вывести детей в «люди», они отдавали их на усыновление в чужую семью [16]. Частыми были случаи в начальный период изучаемого времени отдачи «на воспитание» незаконнорожденных детей. Их могли перепродавать, дарить.

Для усыновленных детей у крестьян существовали разные названия: «приемыш», «принятый во двор», «взятый для воспитания» [17]. Они не именовались сыновьями или дочерьми, но принимали фамилию усыновителя и приобретали все права и обязанности родных детей.

Экономическими операциями, имевшими целью увеличить бесплатную рабочую силу семьи, а также приобрести наследника имущества, были зачастую «приемы в дом», усыновление детей.

В источниках зафиксированы случаи большого количества смертности младенцев до одного года, а также детей до семи лет. Причины, по которым умирали дети, в метрических книгах начинают указываться с 1807 г. До 1825 г. существовала лишь одна причина: «в заспи» [18]. В последующие годы этот термин больше не употребляется, а на смену ему приходят другие. Можно выделить следующие причины смерти детей: понос, горячка, оспа, чахотка.

В связи с большой смертностью младенцев до 1 года, а также детей до 5-7 лет, церковь предпринимала действия для того, чтобы это количество сократить. Можно сказать, что первые мероприятия относятся к 1857 г. Это Указ Тобольской духовной консистории «...по настоянию главы Врачебной Управы Зданевича» следующего содержания: «...о внушении своим прихожанам, об объяснении, что такое оспа, а также о необходимости прививаться детям от оспы». Это не дало ожидаемых результатов, т. к. в 1862 г. выходит повторный Указ. Далее — в Тобольских епархиальных ведомостях (отдел неофициальный) начиная с 1880 г. в каждом номере печаталась рубрика под названием «Врачебные советы». В них указывалось название болезней, их течение, описывалось, как их необходимо лечить. Это мероприятие не дало видимых результатов, так как не все крестьяне умели читать, многие не могли позволить покупать себе ведомости (стоили 6 рублей), и просто не доверяли врачам. Так, из Сибирского листка за 1907 г. узнаем, что «...большинство крестьян к медицине скептически относится, и если посоветуешь обратиться к фельдшеру, только головой качают» [19].

Как и в XIX в., так и в начале XX в. крестьяне относились к своим рожденным детям очень пренебрежительно. Среди причин высокой смертности младенцев также можно назвать и то, что сами родители плохо следили за младенцами, оставляли их на опеку старших детей, которым самим-то было лет по 6-7. Родители не сильно переживали утрату младенцев. Больше переживали, когда умирал ребенок от 6-7 лет и старше, это было связано с той хозяйственной функцией, которую начинал играть ребенок к этому возрасту. Так, в Деревенских письмах

(автор М. Костюрина), опубликованных в Сибирском листке за 1909 г., написано следующее «... взгляни-ка, сколько этих ребят расплодилось нынче, где шесть, где семь человек, свету не рады. Смерти девочек были даже рады, и говорили, чтоб они в век не родились, одна маята с ними» [20].

В деревне было большое количество работ, которые выполнялись исключительно старшими детьми и подростками определенного возраста. Причем некоторые авторы сходятся во мнении, что мальчики определенного возраста получали прозвище «борноволока» (боронование пашни).

Воспитание детей осуществлялось в контексте реальной производственной деятельности семьи. Приучение детей к сельскому хозяйству и «домашним работам» начиналось рано. Причем возраст вступления детей в трудовую деятельность увеличивался со временем. Так, в XIX в. мальчики 5-6 лет ездили верхом, гоняли скот, в 7-8 лет — обрабатывали пашню, в 15 лет становились правой рукой отца. Так, внук крестьянина П. Маркыча, 10 лет, вместе с отцом и матерью и 15-летней сестрой целыми днями пропадали на поле [21]. Тогда как в начале XX в. только после 10-12 лет крестьянская семья использовала более или менее самостоятельный труд детей.

Ранее приучение детей к труду было связано не только с потребностью крестьянских хозяйств в дополнительных руках, но и с соображениями чисто воспитательного порядка [22].

Таким образом, внутрисемейные отношения крестьян Тобольской губернии в XIX — начале XX вв. перетерпели изменения с течением времени. Если в XIX в. женщина занимала приниженное положение и мирилась с ним, то уже в начале XX в. зарождается такое явление, как эмансипация. Это было вызвано тем, что мужья имели законную власть над женами и избивали жен, детей.

К началу XX в. увеличилось число поводов к разводу. Развод передают в ведение светского суда. Поэтому разведенных становилось все больше и больше. Над ними не стоял больше страх перед Богом.

У родителей не было времени, чтобы присматривать за своими малолетними детьми — эта одна из причин смертности младенцев. Также среди причин можно назвать и то, что крестьяне отрицательно относились в то время к медицине и лечились народными средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1975. С. 6
2. Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 158
3. Государственный архив Тюменской области (далее ГАТО). Ф. и — 10. Оп. 1. Д. 3451. Л. 1 — 1 об.
4. Там же. Д. 3438. Л. 2 — 2 об.
5. Там же. Д. 3470. Лл. 1 — 3; Д. 3475. Л. 1 — 1 об; Д. 3459. Л. 1 — 1 об; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья Западной Сибири XVIII — первой половине XIX веков. Новосибирск, 1979. С. 56
6. ГАТО. Ф. и — 10. Оп. 1. Д. 3459. Лл. 1 — 2
7. Григорьев Д. Несчастное замужество // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 2. С. 2 - 3
8. ГАТО. Ф. и — 172. Оп. 1. Д. 1. Лл. 64 — 67, 215 — 231, 267 — 268, 345 — 347. 502 — 504
9. Там же. Л. 115
10. Развод по новому гражданскому уложению // Сибирская торговая газета. 1903. № 150. С. 2 - 3
11. ГАТО. Ф. и — 108. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 — 1 об.
12. Миненко Н. А. Указ. Соч. С. 67
13. Костюрина М. Крестьянская свадьба в подгорных деревнях Тобольска // Обряды, обычаи, поверья. Тюмень, 1997. С. 124

14. ГАТО. Ф. и — 10. Оп. 1. Д. 1567. Л. 23 — 23 об.
15. Там же. Ф. и — 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 60
16. Миненко Н. А. Указ. Соч. С. 141
17. ГАТО. Ф. и — 37. Оп. 1. Д. 6. Л. 123
18. Там же. Ф. и — 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 4 — 4 об.
19. Костюрина М. Деревенские письма // Сибирский листок. 1907. Т. 2. С. 499
20. Там же. Т. 3. С. 213
21. ГАТО. Ф. и — 108. Оп. 1. Д. 7. Л. 12 — 12 об.
22. Там же. Д. 35. Л. 24 — 24 об.

*Владимир Дмитриевич КАМЫНИН —
профессор Уральского госуниверситета,
доктор исторических наук*

*Александр Борисович ХРАМЦОВ —
аспирант кафедры отечественной истории*

УДК 94 (571.12)+342.8

**ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ ТЮМЕНИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРОВ,
ПРАВОВОГО СТАТУСА И СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА
(ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ))**

АННОТАЦИЯ. Авторами исследованы источники, раскрывающие персональный состав тюменских градоначальников в 1867-1917 гг., их полномочия, должностные обязанности, ответственность, порядок выборов и основные итоги деятельности.

The authors investigate the sources revealing the personnel structure of Tyumen mayors in 1867-1917, their powers, duties, responsibility, the order of elections and the main results of their activity.

Период последней трети XIX — начала XX вв. ознаменовался бурным развитием городов, изменением социальной структуры их населения, что привело к возрастанию значения административных центров в экономической, общественно-политической и культурной жизни. Так, наиболее крупным в Западной Сибири являлся город Тюмень, через который проходили основные торгово-промышленные пути региона. В результате этого здесь сложился экономически сильный слой купечества, занимавший различные посты в местных управлениях, в том числе и должности градоначальников.

История развития самоуправления в дореволюционный период нашла отражение в большом количестве разнообразных по видам документальных актов. Наиболее важными из них являются законодательные акты (положения 1870 и 1892 гг.), а также массовые документы городских управ (формулярные и посемейные списки, протоколы дум, журналы управ, листки личного состава, клятвенные обещания, списки избирателей, отчеты и др.). Используя различные методы изучения источников, рассмотрим информационные возможности основных из них.

Научная критика источников показала, что еще при разработке закона в этой области большое внимание было уделено правовому статусу «городского головы» (в доре-

*Рис. 1. Колмогоров
Филимон Степанович.
Городской голова
в 1867-1870 гг.,
тюменский купец
1-й гильдии [1]*